

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

(Звучит песня «Дети войны». Все участники поднимаются на сцену.)

Маленький мальчик рисует. Ему 3 года, поэтому рисунок – это много-много каракуль и завитков по краям, а в центре – небольшой овал. «Что же ты нарисовал?» – спрашивает его воспитательница. «Это война, вот и всё. А посередине – белая булка. Больше я ничего не знаю», – отвечает малыш.

Рисунок датирован 23 мая 1942 года. Имя мальчика – Саша Игнатьев.

- В одном из садиков блокадного Ленинграда работала воспитательница Валентина Козловская. На её попечении находились малыши 3-4 лет. Шла зима 1943 года. Воспитательница из лоскутков, тряпочек и пакли сшила медведя. Он стал всеобщим любимцем – при звуках воздушной тревоги ребята в первую очередь заботились о мишке. В бомбоубежище нести его доверяли самым послушным или самым слабеньким. Одним из таких стал Игорёк Хицун. Осколок фашистской бомбы раздробил ему голень. А он не чувствовал боли и не вполне понимал, что произошло: «Няня, нянечка, а скоро мне пришьют ножку? Ведь так быстро сшили целого медведя!»

(Звук метронома)

- Жила до войны на 2-й линии Васильевского острова, в доме 13/6, семья Савичевых – большая, дружная. Жили и радовались. Кроху Таню, пока та была младенцем, клали по вечерам в бельевую корзину, ставили под абажуром на стол и собирались вокруг. Что осталось от всей семьи после блокады Ленинграда? Танин блокнот. Самый короткий дневник.

- Ни восклицательных знаков. Ни даже точек. И только чёрные буквы алфавита на обрете записной книжки, которые – каждая – стали памятником её семье. Старшей сестре Жене – на букву «Ж», – которая, умирая на руках у другой сестры, Нины, очень просила достать гроб, редкость по тем временам, – «иначе земля попадёт в глаза». Бабушке – на букву «В», – которая перед смертью наказывала как можно дольше её не хоронить... и получать по её карточке хлеб. Памятником брату Лёке, двум дядям и маме, ушедшей самой последней.

- Таня так и не узнала, что Савичевы умерли не все, что Нина и брат Михаил, эвакуированные, выжили. Не узнала, что её имя звучало на Нюрнбергском процессе и стало символом Ленинградской блокады. Не узнала, что астрономы назвали в её честь малую планету № 2127 – TANYA, что люди высекли её строки в граните...

- Но всё это знаем мы. Знаем и помним. 9 страниц дневника Тани Савичевой уместились на одном листе...

Женя умерла 28 дек в 12.30 часов утра 1941 г

Бабушка умерла 25 янв 3 часа дня 1942 г
Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942 г
Дядя Вася умер 13 апр в 2 часа ночи 1942 г
Дядя Леша 10 мая в 4 часа дня 1942
Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г
Савичевы умерли
Умерли все
Осталась одна Таня

(Звук метронома)

- Из дневника другой ленинградской девочки, Тани Вассоевич. В далеком 42-м ей было 13 лет.

27.III. 23/I-42 г. в 6 ч. 28 м. умер Вова.

1942 г. – 17/II в 11 ч. 45 м. умерла мама.

(...) Страницы склеены, чтоб никто не видел самого сокровенного.

Мороз. Яркое солнце. Я иду в детскую больницу на 3-й линии. Взять свидетельство о смерти брата. Я в Вовиной шубе. (...) Гл. врач находит картотеку Владимира Вассоевича и крупными буквами поперек выводит УМЕР. (...)

Я стояла в комнате у печки отвернувшись и не плакала, мне было страшно. Я не понимала, не верила... я никогда в жизни не видела близко мертвого человека.

Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии за хлеб.

Два голубые гроба. Люди спрашивают, где заказали такие хорошие. 1 раз в жизни я на кладбище. Яма. Как оказывается, все просто...

После смерти мамы и брата, когда она осталась дома одна, с девочкой произошло чудо. В середине квартиры стояла глыба льда - замерзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда весной лед растаял, с ним оттаяла одна золотая рыбка и вновь начала плавать.

(Звук метронома)

(Звучит метроном. Двое выходят к микрофонам.)

ЛЕЙТЕНАНТ – Об Асе, девочке из блокадного Ленинграда, я не забывал. Стоило мне опустить веки, и она вставала у меня перед глазами.

(Музыка.)

АСЯ – Это вы?

ЛЕЙТЕНАНТ – Я...

АСЯ – Правда, вы?

ЛЕЙТЕНАНТ – Я! Я...

АСЯ – Странно!..

ЛЕЙТЕНАНТ – Она говорила почти беззвучно, и мне показалось, что я не расслышал ее. Я нашел ее в конце огромной многокомнатной квартиры. Входя, я хотел постучаться, но заметил, что дверь не заперта, и сам отворил ее. В ту зиму двери квартир часто не запирали – слишком трудно идти отворять.

АСЯ – Как странно, правда? Как странно, что я опять проснулась. Как странно, что вы тут. Как странно всё... Как странно, что я умираю.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы не умрете.

АСЯ – Я тоже всем так говорила. И все они умерли. Я всё знаю о смерти и ничего не знаю о жизни... Странно, правда?

ЛЕЙТЕНАНТ – Сейчас будет тепло. Уже тепло. Вы разве не чувствуете?

АСЯ – Нет, не чувствую... Я рада, что вам тепло. А я не чувствую ни рук, ни ног, будто их нет. Меня нет, а голова светлая, не потухает. И я жду, когда она потухнет. Пока мама была жива, я всё могла. Ходила за хлебом, носила воду, топила печки. И не только для мамы – для всех. Я все печурки в доме знала. Я не хотела, чтобы умирали, я хотела, чтобы жили, жили, жили... Мама перед смертью кричала и плакала. Ничего не понимала, меня не узнавала, ей было больно... А мне совсем не больно...

Когда мама перестала кричать и заledenела, я перенесла ее в ту комнату и положила на пол. И упала. Ноги совсем перестали держать....

Я все-таки приползла оттуда. Я ползла целый час...

ЛЕЙТЕНАНТ – Когда это было?

АСЯ – Не знаю. Давно.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вчера?

АСЯ – Нет, не вчера. Гораздо раньше. Прошла неделя. Нет, дня три или четыре. Если бы прошла неделя, остановились бы часы... Вот я умру, а часы будут идти...

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы не умрете. Смотрите, что я принес! Каша! Много каши!

АСЯ – А... Вы не съели сами и принесли мне. А мне не нужно... Вы ешьте, а я посмотрю, как вы будете есть.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы! Вы будете есть!

АСЯ – Я не могу. Вот. Поглядите.

ЛЕЙТЕНАНТ – Я не сразу понял, на что она просит меня поглядеть, потому что было уже темно и я смутно видел ее.

АСЯ – Вот. Протяните руку. Под подушкой.

ЛЕЙТЕНАНТ – У вас есть хлеб?!

АСЯ – Скушайте!

ЛЕЙТЕНАНТ – А вы? Почему вы не съели?

АСЯ – Не могу. Не глотается. Проглочу – и всё назад.

А я знаю, что это значит.

ЛЕЙТЕНАНТ – Я тоже это видел много раз и знал, что, если у человека не осталось желудочного сока, он больше никогда не будет есть. И все-таки я продолжал настаивать. Каша! Не сухой хлеб, а мягкая горячая каша!

АСЯ – Не надо... Капли падали... Сегодня солнце светило в окно, и я видела, как падали капли. Тени капель, сверху вниз. На солнце уже тает.

ЛЕЙТЕНАНТ – Совсем еще мало...

АСЯ – Придет весна. А я ее не увижу... Когда я умру, мне станет все равно, ведь правда? Кого нет, тому все равно... Правда?

ЛЕЙТЕНАНТ – Правда.

АСЯ – Вы последний, кого я вижу... Я думала: неужели ко мне никто не придет? Это было бы слишком несправедливо. И вы пришли.

Скажите, вы когда-нибудь любили? И вас уже любил кто-нибудь? Как это, наверное, хорошо, когда тебя любят и ты любишь? Скажите мне...

ЛЕЙТЕНАНТ – Но я ничего ей не сказал. К моим тридцати годам уже и я любил, и меня любили, и не раз. Это бывало запутанно и больно... Но я не мог объяснить это ей, еще не любившей.

АСЯ – Я один день любила мальчика, с которым качалась во дворе на качелях. Мы так раскачали доску, что чуть не влетели в окно третьего этажа. Когда он летел вверх, он нагибался ко мне, и я видела, что он хочет меня поцеловать... Больше я никогда не буду качаться на качелях...

Поцелуйте меня, пожалуйста, вместо того мальчика.

(Звучит музыка.)

- Самая страшная зима 1942-1943 годов. Многим казалось, что они попали в преисподнюю. «У нас сто детей, – вспоминала сестра-воспитательница дошкольного детского дома №38. – Они часами сидят молча и без движения. Злятся, плачут и скандалят, когда видят улыбку. Больно было видеть детей за столом, как они ели. Хлеб крошили на микроскопические кусочки и прятали их в спичечные коробки. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и наслаждались тем, что кусочек хлеба ели часами, рассматривая его, словно какую-нибудь диковину».

- Были и светлые стороны. Ленинградцы вспоминают циркового артиста Ивана Наркевича. Он по инвалидности не попал на фронт. Зато умудрился сохранить двух дрессированных собачек и с апреля 1942 года начал обход детских садов и школ. И малыши забывали, что «бабушку увезли на саночках мёртвую», что «когда бомбят, очень страшно».

Малыши забывали. Им это даже нужно. Но тех, кто говорит, что Ленинград надо было сдать немцам, простить нельзя. В память о детях, умиравших с голоду и видевших гибель родителей.

(Стихотворение Сергея Сухонина «Ленинградец»)

- 900 страшных голодных дней и ночей жил и сражался в кольце блокады Ленинград.

- Мы рыли рвы – хотелось пить.
Бомбили нас – хотелось жить.
Не говорилось громких слов.
Был дот на каждом из углов.
Был дом – ни света, ни воды.
Был хлеб – довесочек беды.
Сон сокращался в забвенье.
Быт превращался в бытие.
Была одна судьба на всех.
Мы растеряли светлый смех.
Мы усмиряли темный страх.
Мы умирали на постах.
Мы умирали...
Город жил –
Исполнен малых наших сил.

- Осенью 1941 года нормы продовольствия снижались пять раз. В ноябре рабочие получали по 250 грамм хлеба в день, все остальные по – 125 граммов. Муки в этом хлебе почти не было. В состав блокадных буханок входили: 10 % - мука ржаная обойная, остальное – жмых, шрот, сметки муки с оборудования и пола, выбойка из мешков, пищевая целлюлоза, хвоя. Хлеб был почти единственным питанием ленинградцев.

- И летели листовки с неба
На пороги замерзших квартир:
“Будет хлеб. Вы хотите хлеба?..”
“Будет мир. Вам не снится мир?”
Дети, плача, хлеба просили.
Нет страшнее пытки такой.
Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене городской.
Без воды, без тепла, без света.
День похож на черную ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы все это превозмочь?
Умирали – и говорили:
- Наши дети увидят свет!
Но ворота они не открыли.
На колени не встали, нет!

- Врагу не удалось задушить ленинградцев в тисках голодной блокады. Ленинград оставался неприступной крепостью, где каждый житель был бойцом, а фронт и тыл слились воедино.

- Страшным был итог блокады. На Пискаревском и Серафимовском кладбищах покоятся 650 000 ленинградцев, 97 % которых умерли не от обстрелов и бомбёжек. Их жизни унёс голод... Поколение, пережившее блокаду, знает цену куску хлеба. ... Медленной, суровой вереницей идут и идут люди по Пискаревскому кладбищу. День за днём, год за годом. Словно несут они, сменяя друг друга, почётный караул у братских могил.

- Время - лекарь.
И эту роль
Повторяет оно со всеми.
Но бывает
Людская боль,
Над которой
Не властно время.
Вот опять
Через несколько лет!
Эта женщина
В День Победы
Не венок, не цветок, а хлеб
Принесла на могилу деду...

- В Ленинграде в 50-е годы на Невском проспекте около Мойки, вдруг затрезвонили трамваи, засигналили машины, остановилось движение. По проезжей части дороги шла пожилая женщина, вытянув вперед руку. Все ругались, но женщина подобрала что-то и пошла обратно. Подойдя к толпе, она протянула кусок изуродованного хлеба. Видимо кто-то, слишком сытый, не переживший блокаду бросил этот кусок.

- А потом у поэта Роберта Рождественского родились эти строки:

Кто осквернил?
Кто позабыл?
Блокады страшные года...

Кто, бросив на дорогу хлеб,
Забыл, как умирал сосед?
Детей голодные глаза
С застывшим ужасом, в слезах.

А Пискаревку кто забыл?
Там персональных нет могил...
Там вечный молчаливый стон
Терзает память тех времен.
Им не достался тот кусок,
Кусок, не подаривший жизнь...
Лежащий здесь - у ваших ног.
Кто бросил хлеб - тот отнял жизнь.
Кто предал хлеб?

- Если жизнь предоставит Вам возможность побывать в Санкт – Петербурге, бывшем Ленинграде, обязательно придите на Пискаревское кладбище. Зайдите в маленький музей возле входа. Там вы увидите блокадную осьмушку хлеба и листочки из дневника Тани Савичевой. Спуститесь к могилам тех, кто умер в годы блокады, мечтая наесться хлеба досыта. Не нужно цветов... не нужно красивых слов. Просто каждый раз, беря в руки ломоть хлеба, подумайте о том, каким великим богатством вы владеете и как его надо беречь.